

МУРМАН ДЖГУБУРИА

“У КАЖДОГО ПИСАТЕЛЯ СВОЙ ЧИТАТЕЛЬ...”

“Февраль... Достать чернил и плакать...”

Нет, эту строку не перевести на грузинский, поэтому привожу её в оригинале. У меня получается простое перечисление, а в пастернаковской строке объединены два глагола, что прибавляет ей жизни. Глагол ведь – основа предложения... Но почему я вспомнил строку из Пастернака? Именно в феврале и именно так же (в Переделкино), где он писал это своё стихотворение, мне довелось познакомиться с Валентином Распутиным. Случилось это в 2001 году.

Не помню точно, с каким словом рифмует Пастернак слово “плакать”, но на всю жизнь запомнилась мне блоковская рифма “плакать-слякоть”.

*На улице дождик и слякоть,
Не знаешь, о чём горевать,
И трудно, и хочется плакать,
И некуда силы девать...*

Одна эта строфа вобрала в себя не столь давнее состояние моей родины (и наверняка распутинской родины тоже). Это было действительно безрадостное время, когда не знаешь, что делать, куда приложить свои силы и умение. Ничто не работало – стояли фабрики, заводы, люди болтались на улицах, маялись в ожидании хоть какого-нибудь дела.

“Идут неработающие рабочие”, – писал Бунин.

“Труд есть Совесть”, – Андрей Платонов.

Эта мысль не давала покоя писателю Распутину. Просто писателю без всяких там эпитетов и определений. Потому что он скромнен, как его Родина, его Россия, бесхитростен, как совесть.

Сразу же оговорюсь: в недалёком прошлом грузинский читатель с интересом знакомился с творчеством Распутина на своём родном языке, но где-то незадолго до создания “Пожара” переводы прекратились, и пожар, как и предсказывал писатель, действительно разгорелся и объял всю страну. И налетел народ на охваченную огнём страну и стал выносить по частям всё её богатство. (Не все, разумеется, воровали, иные из нас развлекались зрелищем пожара вместо того, чтобы хвататься за вёдра и заливать огонь, – почему-то люди любят смотреть на пожар.) Распутин не смотрел, он кричал что было сил, призывал народ к тушению огня, но тщетно. СССР был обречён.

Это, так сказать, моё видение проблемы, а что думает по поводу развала Советского Союза Валентин Распутин? У каждого своё мнение, своя точка зрения. Как говорил Галактион Табидзе, “иная в Кахетии луна”. Хотя она одна на всех. Феномен Сталина, к примеру, для России один, для Грузии – другой. Так было, есть и будет, пока существует земля.

Распутина переводили. Читали. Читли.

А с ним я познакомился вот как:

– Завтра в Переделкино приезжает Валентин Распутин, – сообщила мне знакомая поэтесса Надежда Мирошниченко – она бывала в Грузии, знакома с Тамазом Чхенкели, даже посвятила ему стихи.

Он приехал в Переделкино как-то незаметно. Просто появился среди нас в один прекрасный день, и возникло чувство, будто он давно уже здесь, и мы просто не замечали его. Так же незаметно живёт и трудится пчела (люблю я это банальное сравнение), хлопочет себе в улье, во благо нам, и покидает его, когда необходимо добыть каплю нектара.

“Лучшее занятие – колка дров, плоды трудов твоих – перед глазами”, – говорил Эйнштейн.

О Бунине и Платонове мы уже упоминали.

К слову, лучшим романом XIX века является “Война и мир” Толстого. Лучшим романом XX века – “Тихий Дон” Шолохова. Это по моему мнению.

“Один день Ивана Денисовича” – классический рассказ нашего времени – Реваз Тварадзе перевёл на грузинский прямо с журнала, где он был напечатан.

О чём только не думает Иван Денисович в начале рассказа – о воровстве, мошенничестве, плутовстве, разных хитростях, о еде, но только он приступает к работе (причём принудительной), как постепенно начинает преобразоваться в совестливого христианина, он уже и сам работает с охотой, и другим заключённым помогает (“что отдал – то твоё”), и куда подевались страдания, и тоска, и унылые лагерные будни, и зимние стужи – всё заполняет труд, всё заполняет творческая энергия...

Распутин: “В тот день уложили они клад. На разделке провозились с livestockами долго, причём принудительной), как постепенно начинают преобразоваться в совестливого христианина, он уже и сам работает с охотой, и другим заключённым помогает (“что отдал – то твоё”), и куда подевались страдания, и тоска, и унылые лагерные будни, и зимние стужи – всё заполняет труд, всё заполняет творческая энергия...”

Не правда ли, похоже на Ивана Денисовича?

Нет, это не его сын, но то, что они души родственные, – вне всякого сомнения. Оба они русские. И характерами удивительно схожи.

Так понимают труд Солженицын и Распутин.

Американский поэт Роберт Фрост всерьёз задавался вопросом, имеет ли он право колоть дрова на своём дворе (он был ещё и фермером), когда по дорогам в поисках работы ходят дровосеки, зарабатывающие рубкой дров себе на жизнь.

Но это – ассоциации, вызванные приездом Распутина в Переделкино.

Приезд его напомнил мне также и рассказ В. Астафьева “Ловля пескарей в Грузии”, обретший у нас скандальную славу. Более того, на одном из предствительнейших писательских собраний Виктор Астафьев назвал нас, грузин, “большой нацией”. Писатель Кита Буачидзе, мир праху его, ответил пространнейшим “Письмом Астафьеву”, и это был не единственный отклик – всего не упомянуть.

Тогда, на том пресловутом собрании, Распутин поддержал своего красноярского коллегу, по-видимому, как я думаю сегодня, провидя нашу будущую общую болезнь, коей имя праздность. Неважно, какое оно, безделье – вынужденное или нет.

...Распутин сел за свой столик в столовой, но и среди жующего многолюдья он оставался наедине с собой (он скуп на слова как в творчестве, так и в жизни), потом он встал и удалился в свой улей.

Отрывок из моего дневника:

“Познакомился с Распутиным. Тихий вдумчивый человек. В “Нашем современнике” недавно напечатали его рассказ “Изба”. Мы долго говорили с автором о его “Избе”, скорее, не о ней, а вокруг неё.

Рассказ – большой. Маленькая избушка постепенно растёт и преобража-

ется на наших глазах — она и деревня, и Россия, и планета Земля. Непременно опубликую наш диалог по приезду в Грузию”.

Так я и сделал.

Валентин Распутин: Литература, в первую очередь, служит языку.

Мурман Джгубуриа: Было время, мне ваш язык, по правде говоря, напоминал язык Бунина.

В. Р.: Вам так хорошо знаком бунинский стиль?

М. Дж.: Не могу это утверждать, писатель, наверное, не сможет постичь другой язык на уровне родного языка, но Бунина я действительно читаю уже давно. А лет тридцать назад даже издал сборник его стихотворных переводов.

В. Р.: Удивительное дело — язык! В XX веке лучше всех знал русский Шолохов. Бунин мой любимый писатель, но Шолохову безразлично, любишь ты его или нет. Он — сама Русь. Он — народ, Бунин — как бы выразитель определённого слоя общества. Я не люблю такого рода разговоры. Лучше сесть и написать об этом обстоятельно, а так, на словах, как убедишь кого-нибудь, что самые великие русские поэты нашего времени — это Есенин и Рубцов? Их русскость — вот что главное.

М. Дж.: А Бродский?

В. Р.: Обратите внимание на строй его стиха. Ничего общего у него с русским фольклором...

М. Дж.: А Нобелевская премия за что?

В. Р.: Нобелевская премия — не аргумент. Толстому её не дали.

М. Дж.: Мы говорили о языке. Ни один русский поэт (из переводчиков) так и не выучил грузинский. Язык Руставели, язык Галактиона.

В. Р.: Судьба малочисленных народов действительно особая, нелёгкая. Но ваш язык прошёл через огонь и воды, исчезновение ему уже не грозит. Руставели вы читаете, как читали много веков назад. “Что отдал — то твоё” — это выражение достойно того, чтобы быть вывешено на воротах Земли. Трудно сказать лучше, проще и общедоступнее. Возможно, это и к лучшему, что ваш язык так сильно привязан к своему ландшафту, к окружающей его природе. Был такой китайский император, который запрещал в своей стране иностранные стихи... Но переводчик, конечно, должен знать язык оригинала.

М. Дж.: Ну, положим, Пастернак, Мандельштам, Заболоцкий, Цветаева уже не смогут выучить грузинский, а сегодняшние Грузия и Россия всё больше и больше отдаляются друг от друга. Связующие нас нити стареют и рвутся одна за другой.

В. Р.: Но я не приветствую и набившую оскомину так называемую интеграцию или глобализацию. Связи должны осуществляться на уровне народов. Россия ныне слаба — кому интересно или выгодно быть с ней заодно? Глобализация уничтожает национальные корни, вы, возможно, продержитесь дольше нас, но рано или поздно она докатится и до вас. Солнце одно на всех, но культура не может быть космополитичной. Нас объединяет религия, общая вера, православие.

М. Дж.: Однако вернёмся к “Избе”. Я постараюсь перевести рассказ или предложить другому переводчику сделать это.

В. Р.: Главное, как он прозвучит по-грузински. Поэтому переводчик, на мой взгляд, должен знать родной язык лучше, чем тот, с кого переводит, и это естественно.

М. Дж.: В последнее время вы пишете не так уж много, если не ошибаюсь.

В. Р.: Не ошибаетесь. Мало пишу. Здоровье уже не то. Недавно вот перенёс операцию...

М. Дж.: Хорошо, что не пьёте.

В. Р.: По правде говоря, не могу уже пить, и потом — мною столько выпито, что вполне достаточно для одного человека. Сидение за столом утомляет меня, и это сквернословие, к сожалению, сопровождающее наше застолье и современную литературу... А у вас как с этим делом?

М. Дж.: Приблизительно так же...

В. Р.: Похоже, пресловутая глобализация добирается и до вас. Жаль.

М. Дж.: Не удивительно. Земля маленькая.

В. Р.: Но горы должны защитить вас от чуждых обычаев и влияний. Я это имею в виду.

М. Дж.: Но до каких пор?

В. Р.: До тех пор, пока смогут, должны смочь, другого выхода нет. А история “Избы” такова: привязалось ко мне одно слово. Никак не мог выбросить его из головы. Долбило мне голову: начни писать, вот я и начал, и дело пошло. В процессе писания я не знал, чем вся эта история закончится. Слова так естественно связывались друг с другом. Помню, я беседовал со своей старой соседкой Агафьей, мне в сердце задал её рассказ, её говор, интонация. Интонация – вот что главное в рассказе. А “Пожар” создавался совсем по-другому. Я начал его лет двадцать назад. Большая вещь.

М. Дж.: Знаю, читал.

В. Р.: Начал писать ещё в эпоху Брежнева, в эпоху застоя. Потом пришёл к власти Андропов. Ну, думаю, дела пошли на лад, и бросил писать. Потом Андропов умер, пришёл Горбачёв, и я продолжил “Пожар”.

М. Дж.: Герои вашей повести греют, как говорится, руки на нём.

В. Р.: Горит общенародное имущество, горит государство, но это мало кого трогает.

М. Дж.: “Пожар” всеобъемлющ, так сказать, но “Изба” мне нравится больше. Напоминает нашу пацху, плетёную избу. Агафья по-нашему Агатиа.

В. Р.: Не скрою, и мне “Изба” больше нравится. Она проживёт дольше нас. Главное – корни, то, что на поверхности – значения не имеет.

М. Дж.: Как-то я прочитал корейское стихотворение в переводе на грузинский:

*Вот-вот дерево готово рухнуть,
А птицы по-прежнему
Вьют на нём гнездо беззаботно...*

В. Р.: Замечательно. И Агафья видит, избу уже не спасти, и всё же продолжает ухаживать за ней, пылинки, как говорится, сдувает, не бросает.

М. Дж.: Удивительно то, что Агафья сама становится похожей на свою избу. Старее изба, старее и Агафья.

В. Р.: Воистину, каков писатель, таков и читатель. Ни больше ни меньше.

М. Дж.: В начале рассказа вы отмечаете, что эту избу нельзя назвать избой как таковой. Но больше всего меня поразило сон Агафьи: “Здесь, в больнице, приснился Агафье сон, поразивший её на всю оставшуюся жизнь: будто хоронят её в её же избе, которую стоймя тянут к кладбищу на тракторных саях, и мужики роют под избу огромную ямину, ругаясь от затянувшейся работы, гора белой глины завалила все соседние могилы и с шуршанием, что-то выговаривающим, на что-то жалующимся, обваливается обратно. Наконец избу на тросах устанавливают в яму. Агафья всё видит, во всём участвует, только не может вмешаться, как и положено покойнице, в происходящее. Избу устанавливают, и тогда выясняется, что земли выбрано мало, что крыша от конька до половины ската будет торчать. Мужики в голос принимают уверять, что это и хорошо, и Агафья будто соглашается с ними: труба и должна находиться под небом, по ней потянет дым. Там тоже согреться захочется...”

Что это, как не “Чистилище” Данте?

В. Р.: Когда я писал это, о Данте не думал, ей-Богу. Наверное, это тот самый момент, довольно редкий, надо сказать, когда читатель или коллега в той или иной детали видит гораздо больше, чем в неё было вложено.

(Я усмехнулся.)

Почему усмехаетесь?

М. Дж.: Вспомнилась статья одного критика об “Антологии современной русской поэзии”. Он там, между прочим, говорит: в антологию вошло такое количество стихов Бродского, какого он и не писал.

В. Р.: Смешно, если бы не было так грустно.

М. Дж.: Но это типично грузинское выражение.

В. Р.: Вот и хорошо. Значит, не так плохи дела, как многим кажется: есть ещё у нас много общего – у русских и грузин.

М. Дж.: Избу Агафьи действительно перенесли в другое место, но она не опустила руки, не перестала работать, я это имею в виду.

В. Р.: У неё не было выбора. Помощи ждать неоткуда – ни родных рядом, ни соседей.

М. Дж.: Бедняжке помогает природа, родной пейзаж.

Мне вспоминается, как однажды выдающегося грузинского учёного Илью Векуа спросил его односельчанин: “Как тебе удалось так высоко подняться?” На что Векуа ответил: “Я постоянно, ежедневно смотрел на Кавкасиони”. “И я каждый день смотрю на Кавкасиони, – возразил односельчанин, – но мне это не помогло”.

В. Р.: Это похоже на стихотворение, такая энергия в том, что вы рассказали.

М. Дж.: И вот это, на мой взгляд, стихотворение, когда Агафья говорит: “Я три дня назад на корову свою ходила поглядеть. Корову, что летом в общее стадо сдала... не насовсем, до подыма рук. Дом и корову в один обхват мне бы нонче не осилить. Я свою силу знаю. Ну и отвела... до новой травки, до тепла. Я пошла, перед коровой уж стыдно, что избавилась и глаз не кажу. Прихожу, у прясла стала. “Марта, Марта!” – зову, она у меня мартовская. Марта моя услышала меня, я вижу, что голос узнала. А стоит, не идёт. Голову к земле пригнула, набочилась, в характер упёрлась и, никак, осердилась на меня... и пошла от меня в дальний угол. Вот какая честная моя корова!..”

Не говорю уже о таких эпитетах, как “колкий рассвет”, который точно характеризует именно русскую зарю. Одно слово – поэзия. И всё же какие-то слова в рассказе я так и не понял и в словарях не нашёл.

В. Р.: Если соберётся переводить рассказ, выпишете непонятные слова, и мы их истолкуем.

М. Дж.: Раньше я сравнивал ваш язык с бунинским, но у Бунина всё прозрачно, ясно, словарь при переводе не требуется.

В. Р.: Главное, чтобы он не понадобился русскому читателю.

М. Дж.: Хотелось бы сказать несколько слов о втором сне Агафьи.

“Сон такой: у себя в избе сидит она на полу, неловко подвернув ноги на одну сторону и кренясь на другую, смотрит, смотрит неотрывно перед собой, ничего не видя... Справа от неё лежит дочь, слева Савелий.

– Ты, мама, лежишь? – спрашивает дочь.

– Нет, сидю.

Чуть позже голос Савелия слева:

– Ты легла, Агафья?

– Ище сидю.

Утром разгулялся ветер и громко, внахлест бил и бил ставнем по окну, пока не обратили внимания: что же хозяйка-то терпит? Стали окликать её, а она уже далеко...”

...”И в остатках этой жизни, в конечном её убожестве явственно дремлют и, кажется, отзвуся, если окликнуть, такое упорство, такая выносливость, встроенные здесь изначально, что нет им никакой меры”.

Такая вот возвышенная интонация венчает рассказ.

В. Р.: Не венчает, всё только начинается, смотря под каким углом взглянуть.

М. Дж.: Ладно, выйдем из “Избы”, смешаемся с народом. Всё же в какой такой болезни обвиняли нас вы с Астафьевым?

В. Р.: Мы самих себя обвиняли и осуждали. Нас гораздо больше и больных, естественно, больше. Вы лучше нас знаете свою историю, лучше сохраняете и защищаете свои нравы и обычаи.

М. Дж.: Но вернёмся к сегодняшнему дню. Куда идёт Россия? Чем обусловлен хотя бы этот визовый режим только с Грузией?

В. Р.: Положением в Чечне, разумеется.

М. Дж.: А если бы не было войны в Чечне, виз тоже не было бы?

В. Р.: Наверное, нет.

М. Дж.: Разговор переводится в вариационную область? Никто не знает, когда закончится война в Чечне, стало быть, визовый режим будет длиться? Я хочу напомнить фрагмент из вашего же интервью, в котором вы говорите: “Только сейчас понимаешь, в какой уникальной стране мы жили. Хлеб в столовой был бесплатный – в магазинах стоил копейки. Образование – бесплатное, притом обязательное (вот диктатура!). Медицина бесплатная. О какой наркомании речь? За ползарплаты можно было попасть из одного конца страны в другой. Да, это правда, за колбасой всегда были очереди, но в какую очередь надо встать сейчас, чтобы купить дешёвую колбасу?”

Значит ли это, что всё было у нас в порядке, и никакой перестройки не требовалось?

В. Р.: Перестройка была необходима, но именно перестройка, а не разрушение и уничтожение.

“Работнику всегда семнадцать лет” (Пьер Паоло Пазолини). Не слышал лучшего высказывания о труде.

Наблюдая за Распутиным, испытываешь даже какую-то неловкость, настолько порядочный он человек. Порядочность для меня прочно связана с известным грузинским поэтом Виктором Габескириа, которого я не видел живым. Я не видел и живого Галактиона, и Георгия Леонидзе. Не успел! Однажды в домашнем кругу я пошутил, что не видел в жизни более великого поэта, чем я сам... “Ишь ты!” – добавил потом про себя.

Надо сказать, пока Распутин находился в Переделкино, весь Дом творчества говорил на другом языке. Почти никто не ругался. Тем более громко. Соблюдали тишину. Не выпивали. Особенно женщины...

Уехал Распутин, и всё изменилось – сквернословие, шум, громкие разговоры, пьянки. В числе отдыхающих был Михаил Роцин, но его не стеснялись. Впрочем, нет. Его не то что не стеснялись, его побаивались. А Распутина стеснялись. Со мной не церемонятся, это понятно. А вот в присутствии Распутина даже любители выпить сдерживали себя. К спиртному не притрагивались, в коридорах не курили, похабные анекдоты не рассказывали.

Владелица избы старая Агафья старалась не уронить себя в глазах не только человека, но и обыкновенного утра. Если утро занималось ясное, солнечное, она вкладывала в труд всю свою душу и сердце.